

Альберт Семёнович Гурулёв

ОТ РЕДАКЦИИ: Писатель Альберт Семёнович Гурулёв родился 28 сентября 1934 года в городе Спасск-Дальний Приморского края в семье военнослужащего. Детство прошло в городе Черемхово Иркутской области. Окончил историко-филологический факультет Иркутского государственного университета (1957). Работал в газетах «Советская молодежь», «Знамя коммунизма». Первые рассказы А.С. Гурулева опубликованы в середине 1960-х в газетах, в журналах «Байкал», «Ангара», «Уральский следопыт». В 1968 году вышел в свет его роман «Росстань», который обратил на себя внимание читателей и критики, был удостоен премии Иосифа Уткина. В повести «Чанинга» (1970) по-своему отразилась драматическая судьба деревни, переживающей очередную эксперимент по «укрупнению» хозяйств, уничтожению «неперспективных деревень».

В следующих повестях и рассказах Гурулев остается верен своей главной теме: деревня и природа, человек, теряющий себя в отрыве от родной земли. Проблемы семьи затронуты в повести «И был день...» В ней наиболее очевидны такие особенности таланта писателя, как неторопливость повествования, простота и ясность образов, умение следовать естественному ходу жизни. Также Гурулев — автор повестей «Пожар в Перекатном», «Дом на своей земле», «Осенний светлый день», «Крик ворона» и других. В коллективных сборниках помещены его рассказы: «Осенний мотив», «Тайга горит», «Вечером», «Разноцветный горизонт», «Ночные костры» и другие. Автор книг «Росстань»: Роман. — Иркутск, 1968; «Чанинга»: Повесть и рассказы. — Иркутск, 1970; Дом на своей земле: Повести. — Иркутск, 1983; «Осенний светлый день»: Повести и рассказы. — М., 1987 и др. Член Союза писателей с 1969 года. Главный редактор журнала «Сибирь» (1980–1983), заведующий отделом прозы журнала «Сибирь» (2012–2015). Активно занимался издательской деятельностью; вместе с Николаем Есипенком был организатором издательства «Папирус», выпускал книги сибирских писателей. Лауреат премии имени И. Уткина (1968), лауреат премии губернатора Иркутской области — за книгу «Русское устье» (2011).

Писатели о судьбе и творчестве Альберта Гурулёва

Владимир Крупин, академик, член Президиума Академии Российской словесности, первый лауреат Патриаршей литературной премии имени святых Равноапостольных Кирилла и Мефодия:

— Но вот кто имел полнейшее право писать о Валентине Григорьевиче, так это прозаик Альберт Семенович Гурулёв, его закадычный друг. Студенчество, журналистика, писательство, поездки, военные сборы, рыбалка, ежегодные походы в тайгу по ягоды, за кедровой шишкой... И чаепития... И у костра, и в городской квартире. Вот в чаепитии, в единственном они были разномыслены: Распутин пил чай без молока, а Гурулёв чай забеливал. Во всем остальном, в жизненных позициях, во взглядах на происходящие события они были в полном смысле побратимы. Книга Альберта Гурулёва «Остановиться... и оглянуться» небольшая по объему. Я получил ее от автора в Иркутске и сразу, за вечер прочел. И сейчас еще, увезя книгу в Москву, раскрываю ее наугад и вновь вижу Распутина как живого. Такой уровень сердечных воспоминаний автора книги. Она прекрасно издана, содержит редкие фотографии жизненного пути писателя и, что важно, написана по-мужски. То есть не опускается до уровня мелочей жизни, не вступает в споры с теми, кому интересны разные сплетни, кто и себя старается прицепить к Распутину. Гурулёву это не надо — он сплетает словесный венок на могилу друга. И венок этот получился на диво замечательным, чистым как байкальская вода, пропахшим смолой, овеванным сладким дымом таёжного костра.

Станислав Китайский:

— Альберт Семенович Гурулев — писатель с пронзительно тонким мировосприятием, владеющий искусством точной поэтической передачи своих чувств простыми, привычными словами и не простыми. Это не ремесло, это — искусство.

Анатолий Байборodin:

— Очарованный устным крестьянским словом, любомудрым и украсным, постигая и письменное древлеправославное, каюсь, бегло читал и смутно знал я творчество иркутских писателей, кои годились мне в старшие братья, а то и в отцы, и лишь на крутом перевале веков открылась мне талантливая проза Альберта Гурулёва — роман «Росстань», повествования в рассказах, которые любовью к родному народу и родной природе, живописью и певучестью слова, думаю, не уступят прозе сверстных мне, избранных писателей, даже и звонко повеличенных, набивших извилистые тропы в сибирские и столичные издательства. Судя по роману «Росстань» и природным сказам, писатель Альберт Гурулёв родовой памятью крепко увязан с казачьим и крестьянским пахотным миром, с миром забайкальских скотоводов и скотогонов, с миром рыбаков и охотников, отчего и с любовным ведением пишет эти полуслитые русские миры, где царствует природа — Творение Божие, где все зачинается с природы, живет в природе и завершается природой. А посему, что и обычно для традиционного русского писателя, не порвавшего пуповинной связи с природным, народным миром, Альберта Гурулёва можно повеличать и сибирским природописателем.

Книга Альберта Гурулёва «Струны памяти. Воспоминания о Валентине Распутине»¹ — эта песня о друге, эта песня о крае, эта песня о мире, и она же — о чуде.

И припев в этой песне с оглядкой на слушателя, читателя, собеседника. Как ему слышится, как видится, как звучит и откликается его сердце. Для чуткого и мудрого слушателя такая песня.

Первые две главы начинаются с песен — звучат известные когда-то мелодии «Иркутск — середина земли» и «Представить страшно мне теперь, что я не ту открыл бы дверь». Звучат известные мелодии как извинения, как импульс, чтобы от них появилась своя.

В начале — тихие картины Иркутска 50-60-х. Тихие от давности, от того, что улеглись страсти и задремали порывы, что светла память и прозрачны дни. Утренний Иркутск с весёлыми дребезжащими трамвайчиками, Иркутск вечерне-ночной с полупустынными от осенней непогоды улицами и рискованными благоглупостями молодежи. Иркутск с парками, тенистыми аллеями, танцплощадкой, духовым оркестром, беседками для шахматистов, лодочной станцией. Улица Карла Маркса, вымощенная от улицы Ленина до набережной Ангары деревянными чурбачками. Уютная летним теплом, она — место «прогулок, встреч и расставаний». Неповторимые, осевшие по окна в землю старые иркутские дома, памятные любому, влюблённому в город. С кружевными наличниками, они готовы рассказать свои истории. Виды, звуки, запахи старого Иркутска. Маленькие картинки — как слова из песни, а «из песни слов не выбросишь». Предчувствие встречи с городом в первом приезде, сны в ночной электричке между Иркутском и пригородами.

Внутри песни другая — о двери. Очеловечивание и очарование обыденного, история жизни предмета. Дверь в редакцию областной газеты «Советская молодежь» Альберту Гурулёву открылась раньше, чем Валентину Распутину. За ней «чаще — душевная непогода, сомнения, работа и лишь, не так часто, как хотелось бы, вспышки радости и светлой удачи». Дверь в судьбу, вход в другой мир. Могутная и одновременно невзрачная с виду, «шершавая от облупившейся краски», она еще помнила о лучших временах. Дверь-работница, впускавшая молодых журналистов в большую литературу. И оказавшаяся ненужной в годы перестройки — её накрепко заколотили. Жизнь труженика, отдавшего свой век людям. Метафора человека и времени, притча о главном.

Песня срифмована давней и сердечной дружбой. В ней два писателя стянуты одним городом, Сибирью, Россией. В ней неуловимое по дате знакомство, кипучая работа в «Молодёжке», в Иркутском Союзе писателей, походы, поездки, полеты за ягодами, грибами, рыбалка и бытие в природе — в тайге, на Байкале. Больше шестидесяти лет вместе. Из студентов общежития Валентин выделен автором «по созвучию своей души». По душевной теплоте и ощущению надежности «он стал узнаваем раньше других и выделился наособицу». «Молчаливый, замкнутый, неулыбчивый, даже отстранённый. <...> Но люди к нему тянулись. Я и сейчас не особо могу объяснить, даже себе, почему. Просто нужный душе человек».

Как метафора отношения Валентина Распутина к жизни звучит воспоминание об его не отличающейся легкостью походке, которая «на лесной тропе, переви-

¹Гурулёв, А. Струны памяти. — Сибирь. — 2017. — № 2. — С. 85-103. Книга издана: Гурулёв, А.С. Остановить... и оглянуться. Воспоминания о Распутине / А.С. Гурулёв. — Иркутск : Издат. центр «Сибирь», 2017. — 192 с.

той корнями, перехлестнутой валежником, на каменистых тянигусах <...> становилась скользяще устойчивой, а некоторая сутулость даже смотрелась подарком природы: так удобнее нести заплечный мешок или горбовик». Заплечный мешок писателя был велик и неподъемен кому-то другому — заботы и хлопоты о многих, кто обращался к нему, о родной Усть-Уде и Аталанке, Иркутске, Байкале, Сибири, о России. Писатель взял на себя и нес тяготы, боль родины по таким тропам, перевитым корнями, с камнями и перехлестнутым валежником, что можно только удивляться устойчивости походки сибиряка.

Солнечность прозы Альберта Гурулёва — в каждодневном открытии солнца для себя, в детской радости прихода в мир. Вот рождение солнца — «алое просяное зёрнышко», встающее из-за дальних далей, из ледяных торосов зимнего Байкала. Зёрнышко из сказки с обещанием небывалого урожая, богатства, с обещанием счастья. «Зёрнышко растёт, растёт на глазах, наливается силой, и ты буквально ощущаешь, как Земля медленно поворачивается к солнцу промёрзшим боком. И вот оно, проснувшееся солнце, ещё не яркое, позволяющее смотреть на себя распахнутыми глазами, приподнимается над горизонтом, сбрасывает с себя сонную одурь». Солнце и глаза человека — диалог земного, отразившего в себе небо, и вечного. Доверие к миру в распахнутых от счастья глазах.

Солнечность и в том, что слова воспоминаний согревают, становятся родными, как родным представлен и мир вокруг героев. Леденящий холод Байкала, его пронзительные ветры, переменчивые от тихой бережности до буйных снежных зарядов и белой круговерти, не враждебны человеку, они воспринимаются автором как проверка духа, крепости. «С тебя, как ненужная шелуха, слетает городская разнеженность, пустословие и инфантильная безответственность, ты снова чувствуешь в себе не просто мужчину, а мужика». Так же, как и нищета послевоенного быта, серая и сирая одежда, привычное студенческое недоедание и поездки на подножке бездверного трамвая на свежем воздухе, на ветерке — все это часть веселого, молодого мира, берегущего человека высшей, не доступной земному пониманию, мудростью. «Пятидесятые годы, война вроде бы давно закончилась, но она, её ненасытное дыхание, запальчивое и усталое, слышалось ещё всюду».

Мелодия воспоминаний рождается из ритмов рефлексии автора. Вначале они гуще, затем реже, и наконец гаснут, поглощенные потоком памяти. Как расходящиеся круги на воде, они держат подвижную форму текста. Это оглядка не только на читателя-слушателя, но и на себя теперешнего — взгляд мудрости в юность, панорамное видение пройденного от начала пути и важность детали. Парение над временем и во времени. Объяснения, оправдания, сожаления постепенно выявляют диалог с собой, ответы на собственные вопросы. Встреча человека с собой сквозь время — самый захватывающий сюжет воспоминаний.

Название реминисцентно псалмам Давида с покаянными, восхищенными, удивленными — разными интонациями, объемным молитвенным видением, направленным ввысь. Мелодия древних молитв созвучна в воспоминаниях обращенности автора к Невидимому создателю человеческой жизни и ее коллизий. Незримое присутствие Соединителя людских судеб в них. Авторская мелодия глубоко и незаметно связана с древней христианской традицией. Прозрачна связь со славянской культурой. «Вглядитесь в наши лица мягких и плавных линий. Это от доверчивости, от раскрытости, от звучащих внутри напевов, к которым мы непрестанно прислушиваемся», — говорил Валентин Распутин². Чувством песенно-

²Распутин, В. Светлое слово. — Совет. Россия. — 1992. — 28 мая.

го звука, идущего в человеке из глубины памяти, наделены оба друга, оба писателя — в этом общая согласная природа их творчества и души.

Время воспоминаний укутывает теплотой. Благодарность жизни за все, скрытая в слове, создает такое впечатление. Словно из близкой дали знакомый голос: «Это наша Россия; нам в ней уютно и тепло, и мы теперь действительно у себя дома, под своей родной крышей, а не на чужбине»³.

В песне много скрытой мужской нежности. Собранной в невыраженной слезе, остановившейся у истока. Нежность прячется за иронией, усмешкой, улыбкой от встреч, разговоров, поездок. Она в признании необходимости присутствия друга в собственной жизни, невосполнимости его ухода. «Прощай, радость!..» — последняя фраза воспоминаний.

В песне много тепла и радости, грусти и байкальских ветров. В ней каждое слово пропитано Байкалом и дорогами-полётами к нему. Байкалом — где живет, звучит сердце самого автора, и где жило, звучало и осталось сердце Валентина Распутина.

Эта песня, которую хочется сберечь и слушать тихими вечерами.